

РЕНЕ ШАР

■
Перевод с французского и вступление
МОРИСА ВАКСМАХЕРА

Настоящая публикация по существу впервые¹ знакомит советских читателей с творчеством Рене Шара, крупного поэта современной Франции.

Рене Шар родился в 1907 году в Провансе; почти всю жизнь он прожил в городке Иль-сюр-Сорг, живет там и сейчас. Здесь, на извилистых, поросших камышом берегах небольшой реки, возле невысоких живописных гор, среди прочерченных кипарисовыми аллеями равнин, прошло детство поэта, здесь он командовал — под псевдонимом «Капитан Александр» — крупным партизанским соединением в годы борьбы с гитлеровскими оккупантами, здесь в послевоенные годы боролся против размещения на родной французской земле натовских ракетных баз, здесь созданы все его важнейшие сборники шестидесятых — семидесятых годов. Были у Шара и буйные сюрреалистские молодые годы в Париже, были путешествия, но крепче всего оказались в конечном счете те корни, которыми врос он в родную провансальскую землю. Пейзажи Иль-сюр-Сорга и его окрестностей врываются в самые, казалось бы, «метафизические» вещи Рене Шара; излучина милой сердцу реки или купа деревьев на краю поля — вот та необходимая поэту почва, присутствие которой он слышит и видит всегда, даже отправляясь в далекие дали поэтической фантазии.

Человек и его изначальное место в круговороте бытия, его каждодневная борьба с рутинной времени, пространства, обстоятельств, поэт как осознающий свою ответственность представитель людей — это и темы стихов, и заботы их автора, его тревоги, порывы. Поэтический мир Шара, трагичный и суровый, за последние годы все сильнее и чаще высветляется героической мелодией, которая то отходит на задний план, то вырывается вперед. Впервые особенно громко прозвучала эта фанфарная нота мужества и героизма в стихах сборника «Листки Гипноса», изданного в 1946 году и писавшегося двумя-тремя годами раньше, в эпоху Сопrotивления, на партизанских привалах.

Ощущение братства людей, сражающихся за свободу родины, их внутренней слитности со стихиями, небесами, вещами, птицами, травами, с далекой звездой и ближней ложбиной — это одновременно и фон поэзии Шара в «Листках Гипноса», и ее интеллектуальная высота, и эмоциональный аромат, пронизывающий собой даже самые усложненные, самые герметичные миниатюры этого сборника. Порыв к преодолению герметизма присутствует здесь как постоянное силовое поле, как давление мысли и страсти на упорствующие слова, упрямо заключающие в своей афористичности человеческую судьбу.

«Время, когда изнуренное небо вонзается в землю, время, когда человек корчится в муках предсмертных под презрительным взором небес, под презрительным

¹ Несколько миниатюр Р. Шара напечатано в антологии «Я пишу твое имя, Свобода. Французская поэзия эпохи Сопrotивления». Москва, ИХЛ, 1968.

взором земли». Такова одна из миниатюр. Ее безнадежным аккордам вторят иные строки — то «заземленные», то еще более «отвлеченные», но мужественные, оптимистичные: «Между миром и мной больше нет досадной завесы». Или: «На наши общие трапезы мы всегда приглашаем свободу. Место пустует, но тарелка всегда на столе».

Гуманистический, демократический порыв всегда «приглашен» в поэзию Шара; иногда его место «пустует», но он все равно есть, и его заочное присутствие — факт, существенно меняющий смысл даже предельно горьких строк.

С волнением говорит Рене Шар о внешней будничности человеческого героизма: «Я ни разу не видел, чтоб звезда загорелась на челе у того, кто шел умирать,— видел только узорную ткань занавески, за которой среди надрывающих душу или смиренных предметов по просторному залу сновали счастливые официантки». И — звонкой песней трубы: «Вся высокая статья августовского неба и затаенной нашей тревоги — в этом золоте: в голосе метеора».

Даже неясные, не поддающиеся рациональной расшифровке образы эмоционально и этически однозначны. Опять-таки в «Листках Гипноса» читаем: «Во времена столь черной битвы и столь черной неподвижности я вскармливал для себя крылатых львов жатвы — вплоть до холодного крика анемонов». Движение образов, пусть невнятных, идет здесь от косного, враждебного человеку начала — к силе, жатве, полету, красоте.

Усложненность поэтики Шара — и это отмечали многие французские критики, а также наши исследователи — коренится и в ее эллиптичности: поэт словно бы опускает промежуточные звенья ассоциаций, пропускает те шаги образной мысли, которые связывали бы воедино крайние точки движения — его старт и финиш; фиксируются лишь некоторые ступени этого пути; остальное должен угадать, восстановить сам читатель.

Есть у Шара стихотворения в прозе, есть свободный стих, есть (их значительно меньше) вещи, написанные традиционно, с рифмой, с четкой ритмической организацией. И есть несколько ключевых тем-образов, лейтмотивов. Это — мотив звезды, метеора, ночного неба, населенного звездами-борцами, звездами-тружениками («золотистый пот» на их лбу), падучими звездами, в своей мгновенной и прекрасной судьбе олицетворяющими величие и трагизм краткого человеческого бытия перед лицом необъятной вселенной... Это — мотив корней и почвы; мотив жатвы как итога человеческого труда. Это — мотив четырех стихий: земли, воды, воздуха и огня, их единства и борения. Образы этих первоэлементов бытия очеловечены у Шара. Ибо и звезда, и корень, и яблоня — все это для него образы трагического и радостного противоборства человека с судьбой. С ураганом.

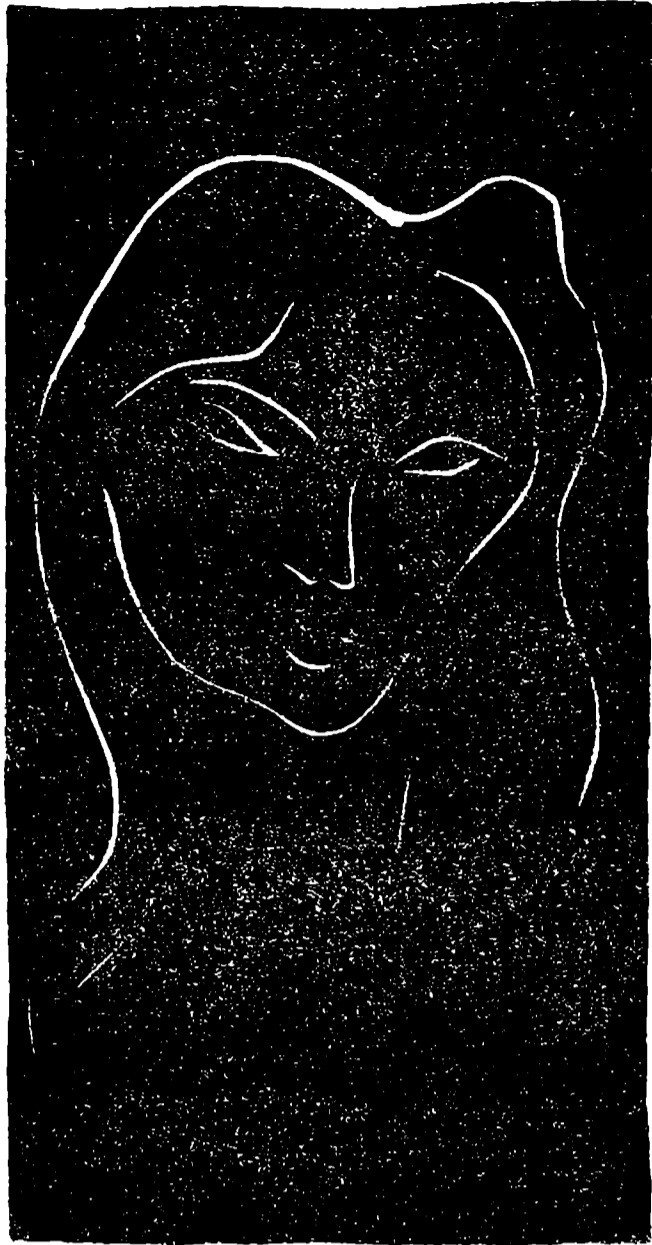
Великую роль в этом противоборстве Рене Шар отводит поэту — труженику, путнику и пророку, который сознает свою ответственность перед людьми, ибо он такой же, как все люди. Но он вооружен прекрасным и могучим оружием: словом.

Как-то Рене Шар сказал: «Навязчивая идея жатвы и безразличие к истории — вот два конца моего лука».

Но добрый урожай собирают те самые люди, которые творят историю. Безразличие к истории «отменяется» почти всеми стихами Шара. Притча о «фантазерах», простодушных и горячих детях горных лесов, о них и об их «оппонентах», цивилизованных рационалистах-горожанах, знающих про неизбежность урагана, но ничего не желающих делать для борьбы с ним,— эта притча свидетельствует отнюдь не о безразличии ее автора к истории. История пронизывает все творчество поэта, даже когда он противится ее вторжению в его поэтический мир. Любовь к свободе, к людям, к родной земле, утверждение героического в человеке — вот что живет в поэзии Рене Шара. Тезис о безразличии к социальным заботам человечества опровергается этими качествами музыки Рене Шара так же непреложно, как и его собственным участием в антифашистской борьбе, его собственным жизненным кредо.

Публикуемые нами стихи Рене Шара взяты из его сборников разных лет: «Лишь те остаются» (1945), «Листики Гипноса» (1946), «Распыленная поэма» (1947), «Ярость и тайна» (1948), «Встающие на заре» (1950), «Назад к верховьям» (1965), «Утраченная нагота» (1971).

Недавно в Париже состоялась выставка «Поэзия Рене Шара в произведениях изобразительного искусства»; среди художников, иллюстрировавших стихи Шара,— такие мастера, как Матисс, Брак, Пикассо, Джакометти и другие.

*Литография
Анри Матисса*

Ты так спешишь писать...

Ты так спешишь писать
Как будто боишься не успеть за жизнью
А если так скорей к своим истокам
Поторопись
Поторопись и передай
Тебе доставшуюся долю
Чудесного
И доброты и мятежа
Ты в самом деле можешь не успеть за жизнью
Невыразимой жизнью
Единственной с которой ты согласен слиться
В которой ежедневно
Тебе отказывают существа и вещи
И от которой в беспощадной битве тебе то здесь то там
Урвать клочок-другой порою удается
А вне ее один лишь тлен
И если в пору тяжкого труда ты встретишь смерть
Прими ее как принимает потный
Затылок
Ласку
Прохладного платка
Склонись пред ней
И смейся если хочешь
И ей отдай свою покорность
Не отдавай оружия
Ты создан был для редких мгновений

Преобразись исчезни
Без сожалений
Смирись с необходимостью суровой
На том углу за ближним поворотом
Быть может жизнь твоя
Исчезнет

Роись во прахе
Никто не в силах ваш союз расторгнуть
С жизнью.

Иволга

Иволга в город рассвета влетела.
Клинком своей песни печальное ложе замкнула.
Кончилось все навсегда.

3 сентября 1939 г.

Прощание с ветром

На склоне холма за деревней разбили свой лагерь поля душистой мимозы. Может случиться, что во время сбора цветов вас ожидает вдали от плантации благоуханная встреча с девушкой, чьи руки носили весь день охапками хрупкие ветки. Точно светильник в своем ореоле, сотканном из аромата, она удаляется спиной к заходящему солнцу.

Заговорить с нею было бы святотатством.

Сойдите в траву, уступите ей путь. Может быть, вам повезет и вы заметите у нее на губах призрак — желанную влажность Ночи.

Из книги «Листки Гипноса»

(71)

Ночь несется стремительно, как бумеранг, выточенный в наших костях, несется со свистом, со свистом...

(73)

Если верить глубинам травы, где всю ночь распевала чета сверчков, утробный период жизни довольно приятен.

(81)

Согласьем лицо озаряется. Отказ придает ему красоту.

(90)

Некогда были даны имена различным отрезкам времени: это день, это месяц, эта церковь пустая — год. Теперь мы подходим вплотную к секунде, когда смерть наиболее яростна, а жизнь обретает самые четкие грани.

(97)

Самолет кидается вниз. Невидимые пилоты освобождаются от плодов своего полночного сада, потом на мгновение зажигают огонь под мышкой у самолета, подтверждая для нас конец операции. Остается лишь подобрать рассыпанные сокровища. Так и поэт...

(177)

Дети воплощают в себе прекрасное чудо: они остаются детьми и нашими глазами смотрят на мир.

(186)

Неужели нам суждено быть лишь начатками истины?

(197)

Быть человеком броска. А не пиршества, его эпилога.

(200)

Когда ты совсем опьянел от тоски, вдруг выясняется, что тоски в тебе осталось не больше, чем в хрустале.

(221)

Вечерняя открытка

Вот и еще один раз Новый год перемешивает наши глаза
Высокие травы не спят любовь у них только к огню да еще к
искусанным стенам тюрьмы

А потом останется прах победителя

Останется сказка о зле

Прах любви

И шиповник останется с его похоронным набатом

Твой собственный прах

Призрачный прах твоей застывшей судьбы

На конусе мрака.

Порог

Когда пошатнулся заслон, когда человек покачнулся от невиданного обвала — от утраты веры в богов, тогда в далекой дали не желавшие гибнуть слова попытались противиться этой чудовищной встряске. Так утвердилась династия их глубинного смысла.

Я дошел до истоков этой ливневой ночи. Укрепившись корнями в первой дрожи рассвета, пряча в поясе золото всех зим и лет, я жду вас, друзья, я вашего жду прихода. Я вас уже чую за чернотой горизонта. Не иссякают в моем очаге пожелания счастья для ваших домов, и мой кипарисовый посох от чистого сердца радуется за вас.

На проводах...

На проводах во все горло птица
Простую земную жизнь воспевает.
И нашему аду нравится песня.

А ветру становится тошно,
И звезды все понимают.

Безумство! Преодолели
Такие глубины судьбы!

Фантазеры

Они к нам пришли, обитатели леса с другой стороны перевала,
незнакомые нам, враждебные нашим обычаям.

Их было много.

Их отряд возник из-за кедров, у края сухого жнивья,— мы вели
к нему воду.

Они появились, утомленные переходом, шапки сползли на глаза,
разбитые ноги ступали как в пустоту.

Они нас увидели и сразу остановились.

Они, очевидно, не думали так быстро нас повстречать —

На возделанной этой земле,

Поглощенных работой.

Мы подняли головы и подбодрили их улыбкой.

Один из них, видимо самый речистый, приблизился к нам, а за ним
подошел и второй, медлительный, диковатый.

«Мы пришли,— сказали они,— чтобы предупредить вас: надвигается
ураган, ваш беспощадный противник.

Так же, как вы, мы знаем о нем

Лишь по рассказам, дошедшим от предков.

Но отчего это вдруг: вот стоим мы сейчас перед вами,

как малые дети, и ощущаем в груди непонятное счастье».

Мы сказали «спасибо» и спровадили их.

Но сначала им дали напиться, и дрожали их руки, и смеялись

глаза над краями кувшина.

Люди пилы, топора и ствола, готовые встретить лицом испытанья, но
неспособные воду к полям провести, построить шеренгу домов,
покрасить фасады в приятные глазу цвета,—

Не знали они, что такое

Зимний сад

И как бережливо расходовать радость.

Мы могли бы, конечно, их убедить,

Успокоить их страх.

Да, приблизился срок урагана.

Но зачем же о нем говорить, зачем зря тревожить грядущее?

К тому же в наших краях

Нам, пожалуй, тревожиться рано.

Сиверг, 30 сентября 1949 г.

Родословная веры

Покровительство звезд проявляется в том, что они приглашают нас к разговору и дают нам почувствовать, что мы в этом мире не одиноки, что у зари есть крыша над головою, а над огнем в моем очаге — твои руки.

Угасание тополя

Для лесов ураганы подобны ножу.
Засыпаю и вижу сверкание молний.
Пусть смешается с почвой, где спят мои корни,
Этот ветер огромный, в котором дрожу.

Он шлифует и точит меня неустанно.
Как мертво и туманно дыхание туч!
Как мутна подо мною ложбина тумана!

Мне жилищем отныне — железный тот ключ,
Что огнем притворился в груди урагана,
Да взъерошенный воздух, когтист и колюч.

Борцы

В небе людей хлеб звезд показался мне тусклым и черствым, но по узким звездным ладоням я прочитал историю их поединков, приглашая одних за другими, сошедших с помоста и еще погруженных в задумчивость; я собрал золотистый их пот, и земля умирать перестала.

Цена глины

Страж пронизательный, гляди, как день за днем
Свиваются в спираль ростки свирепых терний,
Земля вперяет в нас отсутствующий взгляд,
И цепенеет боль, как ровный стон цикад,
И божество свой лик являет лишь затем,
Чтоб жажду подхлестнуть в груди того, кто жаждет.

И ты, любимая, довольна будь одним:
Не властна даже смерть над памятью влюбленной.

К М.Г.

11 сентября 1966 г.

Осень снует по аллеям быстрее, чем грабли садовника. Но не кидается злобно на сердце, которое жаждет тенистых ветвей.

Радость

Как нежно смеется земля, когда просыпается снег! Лежит она в крепких объятиях, плачет, смеется. Огонь, от нее ускользавший, сразу берет ее в жены, как только исчезнет снег.

Офорт
Жоржа Брака

